

РОЛЬ, Человек и его дело КОТОРАЯ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

В этот вечер шел спектакль «Осенние росы». Зрители, следившие за Василием Ерошиным — эту роль играл Юрий Цурило, — видели, как мучительно ищет он свой путь. Всю свою жизнь пытавшийся держаться особняком, на обочине, он понимает: больше так нельзя. И когда Ерошин-Цурило в безотчетном порыве припал к матери, старой крестьянке, нища в материнских ладонях успокоение, исцеление от душевной муки, терзавшей его, зрители поверили: это и есть точка напряжения, определяющая поворот в сознании героя. Завтра он будет другим.

Но никто из зрителей не подозревал, что Цурило играл после вызова «Скорой» в театр.

Актерам нередко приходится проявлять мужество, которого не видят зрители. Даже в обычных условиях ежевечерний выход на сцену сопряжен с борьбой. Она начинается снова и снова с преодоления отчужденности и скованности зала, чтобы в итоге играть в тонко чувствующей и соперничающей аудитории.

На протяжении семи спектаклей я следила за героями Юрия Цурило. Разные это образы — и наши современники, и персонажи из давно минувшей эпохи. В какой бы роли актер ни выступал, он прежде всего с одинаковым интересом исследует и природу добра, и природу зла. Делает это увлеченно, темпераментно, азартно.

В прошлом сезоне театр обратился к пьесе, действие которой разыгрывается на древней новгородской площади, где звучит гордое слово «свобода» в едином контексте со словом «Новгород».

Первый акт. Пролог спектакля. Мы узнаём, что писатель Я. Княжнин «за смелые истины в своей трагедии подвергся попытке в Тайной канцелярии, умер под розгами, а императрица Екатерина «сама прочла всю трагедию... приказала конфисковать раскупленные экземпляры, у кого они окажутся, и сжечь». Ибо в трагедии «Вадим Новгородский» неудержимо звучит: «Вольность возвышает людей».

Словно освежающий порыв ветра пронесется над сценой, когда впервые появляется Вадим Новгородский. Этот человек не поступит ничем во имя свободы. Для него это единственная цель, оправдывающая саму жизнь. Без надрыва и ложной патетики начинает свой монолог Вадим. В нем скорее удивление, попытка разобраться, понять, как же случилось, что всего за три года его отсутствия (Вадим — посадник и полководец) дух рабства воцарился над древней площадью, что здесь варяги — полноправные хозяева.

Рабство нельзя ничем оправдать. И нельзя с ним смириться — такова позиция Вадима.

Актер Юрий Цурило щедро раскрывает своего героя. Он широкоплеч, могуч, высок, но его сила — в богатстве духа, в глубокой убежденности.

Цурило любит своего героя, и этот искренний, идущий изнутри интерес помогает ему в лепке образа. Раско-

ванность интонаций, органичность поведения актера на сцене делает этот образ достоверным. Вадим-Цурило — живой и полнокровный. В нем всего в избытке: и страстной любви к Родине, и ненависти к чужеземцам, и нежности.

Вот он после долгой разлуки ласкает дочь, перебирая золотые пряди ее волос. Мы сострадаем ей, потому что «гордиев узел» — любовь и долг — разрубить может лишь меч, на который падает Рамида. Этим же мечом закаляется и Вадим. Он остается с непокоренным сердцем.

Мысли и чувства, которые волнуют героя спектакля, волнуют и нас, зрителей, потому что они созвучны нашему времени. Он говорит о несокрушимой готовности защищать Родину, видеть в ее счастье — свое счастье.

— Мне нравятся герои такого плана, — сказал Цурило, — сильные духом, волевые, неукротимые... и добрые.

Тема подвига, самопожертвования, готовности служить Родине верой и правдой незримо, но очень тесно роднит внешне таких несхожих героев. Один — в кольчуге, седой, со скорбной складкой у рта, говорит высоким стилем XVIII века, другой — в буденовке, с пронзительным взглядом, говорит нараспев удивительно сочным, образным языком.

Вадим Новгородский и комдив Константин Гулевой из спектакля «Конармия» смыкаются в своей любви к духу вольности. И в комдиве она проявляется так же бурно, неукротимо. И так же, как и в «Вадиме...», герой артиста — не маска одной застывшей идеи. Это земной человек из плоти и крови, чувствующий боль, способный страдать, ошибаться.

Гулевой любит и любим, но он знает, что его счастье хрупко, потому что его может оборвать пуля врага. Признание Марии заставляет его на миг, оторвавшись от тяжких забот и тревог похода, помечтать. Он по-детски открыт и незащищен в эту минуту. Пропахший порохом, изнуренный боями Гулевой-Цурило открывает в себе тот родничок веры, который помогал ему и его бойцам держаться.

Когда встречаешься с Юрием Алексеевичем в театре, на очередном спектакле, думаешь, что же делает его роли запоминающимися. Только ли сценическое мастерство? Нет. Еще и духовная нерастраченность, умение удивляться и радоваться жизни, вносить в образ массу своих наблюдений, реализовывать свой жизненный опыт.

Семь лет трудится на сцене Новгородского театра драмы выпускник Ярославского театрального училища, приехавший из города, где был основан Волковым первый театр в России. И за эти годы, напряженные и плодотворные для актера, первая классическая роль — Ботвель в «Марии Стюарт» Ю. Словацкого.

В антракте еще раз перечитала слова, напечатанные в

Ю. А. ЦУРИЛО

программке: «Театр считал бы свою задачу выполненной, если бы спектакль оставил зрителя в размышлениях не о кровавых интригах при жестоком дворе королевы Марии, а о высоких нравственных основах, которыми должен руководствоваться каждый живущий на земле человек».

Да, спектакль учит добру, обязывает еще раз положить на меру весов извечные истины, и прежде всего — совесть. В Ботвеле Цурило открывает такую глубину человеческой жестокости, холодного прагматизма, что он становится отталкивающе уродлив, страшен. Яд, убийство, и на этом пути в одном ряду — любовь, которую он тоже уничтожит. В соответствии с режиссерским замыслом Цурило, не боясь, вводит героя в спектакль почти без грима и парика, для него важна не внешность — важно раскрыть преступную душу.

— Ваш Ботвель сметает все на своем пути. И ради пути вверх? — спросила я актера.

— Нет, — неожиданно запротестовал он. — Ботвель намеренно подводит Марию к падению, усомнившись в ней, увидев, что и на «солнце есть пятна».

Спектакль чрезвычайно сложен для исполнителя. От каждого из актеров требовалось прежде всего умение ориентироваться на необычной сценической площадке — помосте, высоко поднятом над сценой. Пластичность и органическое единство ансамбля — вот еще что выверял спектакль. Партнерами Юрия Цурило в нем были Элеонора Столярчук и Олег Михайлов.

— С Олегом Михайловым мы учились вместе, — сказал Юрий. — В нашем театре немало выпускников Ярославского театрального училища: Любовь Жинкина, Елена Тимофеева. Олег — очень динамичный в игре, требовательный партнер, мы понимаем друг друга с полувзгляда, с полуслова. Когда встречаешь холодные, ничего не выражающие глаза, то и от тебя отдачи не будет... Легко играть и с Элеонорой Столярчук.

Первый контакт со зрителем налаживается, когда зал заполняют малыши. Вспоминается мне спектакль по сказке Шарля Перро «Кот в сапогах». Зал смеялся, хлопал в ладоши, вскакивал от нетерпения: ведь дети — самые непосредственные и самые чуткие зрители. Фальшивой ноты они не пропустят. Все свои симпатии ребята отдали отважному Коту в сапогах (Олег Михайлов), а негодование — Людоеду.

Цурило играл его чуточку насмешливо, с юмором, открыв в себе неожиданную грань характерного актера.

— Он и здесь, в этом образе не позволял себе играть вполсилы, — сказал главный режиссер театра Анатолий Леонидович Кошелев. — Актера отличает исключительная требовательность к себе, которая подтягивает и партнеров.

— Какие качества я ценю больше всего в Юрии Цурило? — продолжает Кошелев. — Высокая профессиональная честность сочетается в нем с ярко выраженной потребностью выходить на сцену, жить этой сценой. Для меня как режиссера важно, когда актер обладает внутренней подвижностью, способностью, реагируя на замечания, развивать роль по ходу спектакля. Это — гарантия того, что образ будет совершенствоваться, постоянно развиваться.

На репетициях Юрию Алексеевичу порой бывает трудно, его нельзя подталкивать, торопить, ему важно понять, осмыслить все. Вот почему его работа таит в себе эффект неожиданности. Он медленно накапливает наблюдения над образом, ищет пути его решения (возникает иногда впечатление, что работа не движется) — и вдруг — прорыв на более высокую ступень. Актерская природа Цурило очень богата...

Семь лет на сцене. Много это или мало? Конечно, мало. Главные роли еще впереди. И все-таки становление состоялось. Каким оно было?

— Мой дебют, — стал рассказывать Юрий, — это роль Дон Жуана в спектакле по пьесе Леси Украинки «Каменный хозяин». Сдавали мы этот спектакль срочно, времени на работу было чрезвычайно мало. Мне помогал весь коллектив.

— И вы, вероятно, с детства мечтали стать актером? — Даже не думал. Все решил случай. Учился я в городе Вязники Владимирской области, занимался художественной самодеятельностью в городском доме культуры. Как-то приехал к нам артист Московского театра сатиры Евгений Борисович Кузнецов, увидел меня в любительском спектакле и посоветовал поступать в театральное училище.

Понять преимущества и достоинства работы в театре помог снова случай — «Мосфильм» пригласил на съемки фильма «Королевская регата». Они длились целый год. Я играл своего сверстника студента Марко, самозабвенно любящего греблю. Не столько трудной оказалась для меня роль, сколько съемочная площадка. Мне нравился Марко своим жизнелюбием, характером. Он цыган, и во мне тоже наполовину течет цыганская кровь...

Потом были съемки четырехсерийного телевизионного фильма «Наследники». Там я играл простого парня из бригады строителей, своего тезку...

Все это не прошло бесследно. В театре, исполняя роль бригадира Потапова в спектакле «Протокол одного заседания», Цурило вложил в нее свое, пережитое: он работал на стройке, и потому мысли и чувства бригадира ему близки и понятны.

— Чем больше знаешь жизнь, — сказал актер, — чем больше встречаешься с людьми, тем больше своего можно вложить в образ. Казалось бы, Вадим Новгородский от нас бесконечно далек, но я все время старался поставить себя на его место, думал, а как бы ты поступил в аналогичной ситуации. Сцена, когда Вадим, как на распятии, на веревках, в руках врагов, — моя самая любимая. Я понимаю его внутреннее состояние. А вначале даже не знал, как решить ее...

Вообще, путь к роли — не только во время репетиций. Думаешь о ней постоянно, и ночью не спишь порой, мучает чувство неудовлетворенности. И далеко не всегда оно сменяется интуитивным ощущением «получилось»...

— Такой спектакль, как «Конармия», — продолжал Цурило, — потребовал от каждого исполнителя особой работы над словом. У меня текст «ляжет», когда пойму, ради чего выхожу на сцену... Вот уже два года идут в театре «Характеры» Василия Шукшина. Я играю Андрея Ерина с настроением, потому что мне симпатичны люди, которые в обыденности сумели сохранить свою мечту.

Во время репетиции я увидела одного из актеров — Ивана Сучкова. Он сказал:

— Впервые мы вместе выступили в спектакле «Когда любишь», потом в «Сталеварах», «Вадиме...», «Конармии». Требовательность, принципиальность — не ложное, а истинное отношение Юрия к театру — создает чувство уверенности. С Юрием мы «сталкиваемся» в «Вадиме...», много раз сыгран спектакль, и только сейчас появляется раскованность, легкость. Это и есть наш труд актерский.

Л. ХАНОВА.